

СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ РЕФОРМЫ СОЦИАЛЬНЫХ ЛЬГОТ

С позиции подхода, который в социологии называют «конструкционистской парадигмой», социальные события, институциональные и обыденные практики различаются по уровню сложности и проблемности, но среди них следует отличать особый род ситуаций — *социальные проблемы*, непосредственно связанные с трансформационными периодами в развитии обществ [33, с.262-263]. Социальные проблемы возникают тогда, когда в отношении некоторой ситуации акторами, действующими лицами, начинает формироваться «горизонт символических событий»: выдвигаются конкурирующие и несогласные друг с другом утверждения и требования, проблематизирующие некую ситуацию в зависимости от намерений, опыта и конкретной жизненной ситуации человека, сообщества или некоей институции. То есть для возникновения и существования любой социальной проблемы требуется не только и не столько «объективная опасность», но в значительной степени — субъективное суждение одной или нескольких социальных групп, общностей, организаций.

История с заменой социальных льгот денежными выплатами развивалась «классическим образом». Проблема долгое время существовала в демобилизованном состоянии, как тематический «подпункт» других проблемных полей, актуальность которых была уже артикулирована и признана. Однако после того как власти заявили о своем намерении заменить натуральные льготы денежными выплатами, эта реформа стала рассматриваться уже не только как экономический и социоинженерный проект, но и как символический продукт, что в значительной степени повлияло на ее ход, на оценки и восприятие ее разными социальными акторами. Уже в этот момент можно было предполагать, что реализация реформы будет проходить как минимум в четыре этапа, и каждый из них будет сопровождаться появлением специфических факторов, «управляющих» развитием общей ситуации.

Первый этап — это появление идеи в публичном пространстве, выстраивание доводов и контрдоводов в отношении нее. В этот момент происходит не просто ознакомление с базовыми идеями реформы, но также появляется понимание того, кто является участником данной проблемной ситуации, осваиваются аргументации «за» или «против» реформы, формируются ожидания и определенные представления о возможных последствиях.

Второй этап — от момента обсуждения в Государственной думе до подписания закона президентом — это законодательное оформле-

ние преобразований. На данном этапе, во-первых, происходит позиционирование политических игроков и одновременно — разворачивание агитационных стратегий. Реформа, прежде существовавшая только как идея, намерение, отныне приобретает новый статус — становится *фактом*.

Третий этап — начало реализации реформы. Это всегда наиболее конфликтный период: когда реформа «доходит до адресата», люди начинают чувствовать определенное давление на свою повседневную жизнь и, возможно, даже ощущать ее ломку. Закономерно было ожидать (как, например, в случае с деноминацией 1997 года), что неизбежно появятся «проблемы интерфейса» — совместимости организационного и технического обеспечения реформы с освоением значительным числом россиян новой, непривычной, несущей разного рода проблемы практики.

Четвертый этап — реакция инициаторов реформы и власти в целом на реакцию со стороны общества. Именно на этом этапе определяется судьба любых преобразований — либо они будут свернуты (тем или иным образом), либо будет найден способ их более или менее последовательной «социализации».

СОЦИАЛЬНЫЕ ЛЬГОТЫ КАК КОНЦЕПТ ОБЫДЕННОГО СОЗНАНИЯ

Сложная и неблагоприятная ситуация с социальными льготами сформировалась в первой половине 90-х годов, когда и без того громоздкая система советского времени дополнилась большим количеством новых социальных обязательств российского государства, реальное и полное исполнение которых было невозможным. По экспертным заключениям аудиторско-консалтинговой компании ФБК, законодательство в сфере социальных льгот исполнялось примерно на 10-15%, а весь расчетный (теоретический) объем льгот составлял 68,3% бюджета страны [2, с.5]. Проблема существовала, но никакой содержательной динамики здесь долгое время не наблюдалось: эта тема не фигурировала в качестве самостоятельной ни в представлениях людей, ни в политическом дискурсе, не была основой для мобилизации мнений и коллективных действий, не была связана с политическими рисками и не вызывала панических общественных реакций. То есть *проблемная ситуация* не превращалась в *социальную проблему*. Об этом, например, свидетельствуют материалы одного из опросов, проведенного осенью 2000 года¹.

¹ Опрос ФОМ 30 сентября — 1 октября 2000 года. Далее в этом разделе приводятся данные этого опроса [11].

Данные показывают, что ситуацию в сфере социальных льгот люди в тот период оценивали преимущественно негативно, однако в списке актуальных проблем эта тема занимала отнюдь не лидирующие позиции. Существовавшую на тот момент систему распределения льгот считали справедливой 18% опрошенных, несправедливой — 68%. При этом неудовлетворенность положением дел в этой сфере уже в тот момент выражали не только пенсионеры и льготники, но и представители других групп, обладающих большими социальными ресурсами². Идея замены натуральных льгот денежными компенсациями на тот момент казалась привлекательной 38% россиян (треть из них — 11% от общего числа опрошенных — сельские жители). Один из аргументов в пользу этой позиции — появление «на руках» у людей дополнительных денег, возможность получать компенсацию за те льготы, которыми не доводится пользоваться. Однако те, кто считал, что льготы предпочтительнее денежных выплат, все-таки оказывались в большинстве (45%). По их мнению, прежняя система более эффективна, так как деньги могут оказаться неэквивалентными льготам — из-за «нецелевого использования» выплат, их несвоевременности, инфляции.

Итак, мы видим, что тема социальных льгот хоть и присутствовала в сознании россиян, но не имела самостоятельной проблематизации (почти половина россиян (47%) выразили убежденность, что в стране есть гораздо более важные проблемы, причем мнения представителей разных социально-демографических групп на этот счет практически не различались). Вместе с тем, некоторые значимые особенности установок по проблеме проявились уже в это время. Самое главное здесь — символическое «прочтение» льгот как таковых: с одной стороны, это гарантии государства и «моя» уверенность, что я не окажусь брошенным на произвол судьбы, с другой стороны, это «признание заслуг» и род благодарности со стороны власти и общества. Отвечая на вопрос модератора, кому, по их мнению, должны предоставляться льготы, участники фокус-групп (2000 год) в первую очередь называли ветеранов, чернобыльцев, инвалидов, матерей-одиночек — то есть группы, обладающие весомым «символическим капиталом».

«Льготы — это обязательства страны для людей, которые имеют разные заслуги перед государством, — кто здоровьем жертвовал, трудился или воевал на благо своей страны. Или же, конечно, это те, уровень жизни у кого низкий, — инвалиды вот как, чернобыльцы» (ДФГ, Новосибирск, 2000 г.)

² См. приложения (развернутые таблицы по социально-демографическим группам) к выпуску: [11]

Кроме того, опросы показывали, что россияне — «по ассоциации» с темой социальных льгот — обсуждали (и не скупилась на резкие эпитеты) тему привилегий и льгот для чиновников, депутатов и т. д., хотя формально это совершенно иной тип социальных обязательств государства [10]³.

«У нас о социальных льготах вообще говорить не приходится. Льготы, но не социальные. Есть привилегии — известно кому, вот там они и ощутимы. А социальной помощи тем, кто действительно нуждается, просто нет» (ДФГ, Самара, 2000 г.)

С 2000 года тема социальных льгот практически не становилась предметом публичных дискуссий, но ее структурные компоненты получали подпитку благодаря актуализации «смежных» тем. Например, пенсионная реформа. Она лишь в незначительной степени зацепила внимание россиян: спустя почти три года с ее начала — в ноябре 2003 года — о ней «знали» 31% респондентов, «что-то слышали» — 40% и впервые услышали от интервьюера — 27%.⁴ Существенного ажиотажа или всплеска опасений пенсионная реформа не вызвала, однако тема «социальных гарантий» устойчиво проявлялась в любых разговорах как на эту, так и на другие сколько-нибудь близкие темы — будь то банковский кризис, введение единого социального налога, нововведения в области образования или в сфере ЖКХ⁵.

Опросы показывают, что подавляющее большинство россиян (65%) рассматривают льготы как *государственную* поддержку тех, кто в ней нуждается.⁶ В ответах на открытый вопрос: «Как Вы понимаете выражение «социальные льготы»?» — говорится о жизненно важном значении льгот для неимущих и в целом для слабых групп — ветеранов, инвалидов, многодетных семей и т. д. Очень часто неденежная поддержка этих категорий населения понимается как *безусловная обязанность* государства, одна из главных его функций. Хотя иногда в такого рода ответах звучит и саркастическая нота: это помощь нищего государства нищим людям.

³ Закономерно, что тема «льготы чиновников и депутатов» всплыла в разговорах россиян уже в связи с нынешней реформой. Как показывают опросы, она составила заметный содержательный и оценочный фон обыденных обсуждений. 59% россиян полагают, что сегодня есть люди, группы населения, пользующиеся льготами, которые им не следовало бы предоставлять [22].

⁴ Вопрос: «Знаете ли Вы, что-то слышали или слышите сейчас впервые о том, что в этом году вводится новая пенсионная система?» [30].

⁵ См., например: [6].

⁶ Опрос ФОМ 5-6 июня 2004 г. [13].

«Государство дает то, что положено: например, инвалидам — лекарства со скидкой»; «кто-то мне должен оказывать помощь от государства, раз платная медицина — чтобы я могла вставить зубы, сделать операцию и так далее»; «когда государству нужны люди, это его обязанность — помогать многодетным, инвалидам, тем же ветеранам, которые за него воевали»; «это вместо хорошей жизни, государство больше ничего им предложить не может» (открытый вопрос).

В связи со сказанным неудивительно, что самое первое и самое эмоциональное прочтение планов реформы (после того, как они были обнародованы в начале лета 2004 года) сводилось к формуле: «государство отказывается помогать социально незащищенным людям». Большая часть ответов на вопрос: *«Как Вы считаете, зачем, с какой целью правительство планирует заменить некоторые социальные льготы на денежные выплаты?»* — содержат отрицательные оценки еще только анонсированной реформы (27%). Чаще всего люди говорили о том, что таким образом государство решило отказаться от своих социальных обязательств (12%), об «очевидной» противопоставленности интересов населения интересам власть имущих (10%) [27].

«В очередной раз обуть стариков и обиженных судьбой людей»; «чтобы никаких обязательств перед гражданами не иметь»; «хотят бюджет пополнить, чтобы себе на зарплату выкроить»; «выгоду для себя, а не для народа» (открытый вопрос).

По таким противопоставлениям, по высказываниям участников дискуссионных фокус-групп о возмутительности отмены льгот самым уважаемым членам общества — героям войны, героям труда — при сохранении льгот чиновникам, видно, что с самого начала произошла актуализация представлений о льготах как о *компенсации несправедливости* в распределении благ. Безусловно, россияне усматривали в реформе и позитивные моменты: возможность тратить деньги по своему усмотрению, а не получать услуги низкого качества, возможность решить проблему неполучения положенных льгот, надежда на упрощение процедур по оформлению документов и т.д. (суммарная доля таких ответов на открытый вопрос составила 21%). Следует обратить внимание на то, что в ответах на самые разные открытые вопросы о льготах в основном говорилось о типичных *обыденных проблемах* россиян, а каких-либо более общих соображений — например, об экономической неэффективности и необоснованности существующей системы, о ее запутанности и «непрозрачности» — практически не встречалось. Этот аспект пробле-

мы не был актуальным для людей в 2000 году, не стал он более значимым для них и по ходу реализации реформы в 2004.

Еще надо отметить, что соображения о возможных положительных моментах реформы системы социальных льгот зачастую соседствовали с целым рядом опасений (одни и те же люди могли говорить как о положительных, так и об отрицательных последствиях): «Основа отрицательного отношения к замене льгот выплатами — недоверие правительству. Опрошенные сомневаются в том, что денежные пособия смогут компенсировать все положенные льготы; опасаются, что деньги будут «съедены» инфляцией и разворованы недобросовестными чиновниками на местах, что получение пособий будет сопряжено с немалыми затратами сил и времени, непосильными для многих льготников» [27].

Таким образом, уже первые опросы, проведенные сразу после появления темы в публичном пространстве, показали важную особенность восприятия проблемы социальных льгот. Практически мгновенно произошла кристаллизация и содержательная смычка сразу нескольких содержательных компонентов, тематических структур, систем интерпретаций, прежде существовавших более или менее «изолированно» и проявлявшихся от случая к случаю. К таким значимым компонентам относятся:

- символический аспект социальных льгот (льгота как заслуга, как гарантия, как внимание и признательность государства, как атрибут определенного социального статуса, и, конечно же, как способ «достижения социальной справедливости»);
- экономический аспект (эквивалентность замены, надежда на улучшение благосостояния, на упрощение процедур оформления льгот и т. д.);
- проблема ответственности властей (действует ли правительство в интересах простых россиян, может ли сделать все «по уму», способно ли не только разработать реформу, но и реализовать ее на уровне многообразных жизненных ситуаций людей, кто несет ответственность за негативные последствия — не в абстрактном, а в прикладном и прагматическом смысле: как будет все проходить, куда идти и кому звонить при необходимости и т. п.).

То есть обнародование реформаторских намерений власти в отношении социальных льгот актуализировало целый комплекс очень острых проблем и одновременно стало своеобразным «тематическим мостиком» между ними, сформировало у россиян совершенно определенный «горизонт» ожидаемых событий и спектр интерпретаций. Так что история с заменой социальных льгот летом и осенью 2004 года развивалась не только на формально-сюжетном уровне, но и на уровне

«субъективной реальности» — переживаний, обсуждений, обыденного теоретизирования и напряженного вслушивания в информационные сообщения по этой теме.

ПЕРВЫЕ ШАГИ РЕФОРМЫ И ПЕРВЫЕ КОЛЛИЗИИ

Немного хронологии. **13 мая** — правительство представило свое намерение реформировать систему социальных льгот в Совете Федерации. **1 июня** — заседание Госсовета о финансовом обеспечении социальных обязательств, после которого тема льгот стала медийным фактом. **10 июня** — всероссийская акция протеста, организованная профсоюзами. **2 июля** — Государственная дума приняла в первом чтении законопроект о замене социальных льгот денежными выплатами. Одновременно в ряде городов прошли акции протеста против планируемой реформы. **5 августа** — Государственная дума приняла закон в третьем, окончательном чтении. **8 августа** — Совет Федерации одобрил закон о замене льгот деньгами. **9 августа** — в Администрацию президента передано письмо за подписью 80 тысяч россиян с призывом наложить вето на принятый закон о монетизации льгот. **22 августа** — В. Путин подписал закон о льготах, однако об этом было сообщено **28 августа** (РИА «Новости»).

Первое, что зафиксировали опросы ФОМ, — это очень быстрая мобилизация внимания людей, мгновенное — по сравнению с иными информационными поводами — включение россиян в проблему. Уже в самом начале, как только вопрос о замене некоторых социальных льгот денежными выплатами стал обсуждаться в СМИ, доля информированных о планируемом нововведении составила 73%, а спустя месяц, в первой декаде июля, она поднялась до 89%.⁷ О своей заинтересованности и включенности в проблему в начале лета говорила половина (51%) респондентов, в июле эта доля выросла до 65%.⁸

Опросы показывали, что при неоднозначном, хотя по большей части все-таки негативном отношении к идее заменить льготы деньгами, люди в общении между собой, в разговорах и спонтанных обсуждениях гораздо чаще обменивались именно отрицательными суждениями. И как раз повседневные разговоры, обмен мнениями и эмоциями су-

⁷ Сумма ответов тех, кто выбрал первую или вторую позицию на вопрос: «Вы знаете, что-то слышали или слышите сейчас впервые о планах правительства заменить некоторые социальные льготы денежными выплатами?».

⁸ Вопрос: «Скажите, пожалуйста, Вас лично вопрос о замене некоторых социальных льгот денежными выплатами интересует, волнует или особо не интересует, не волнует?».

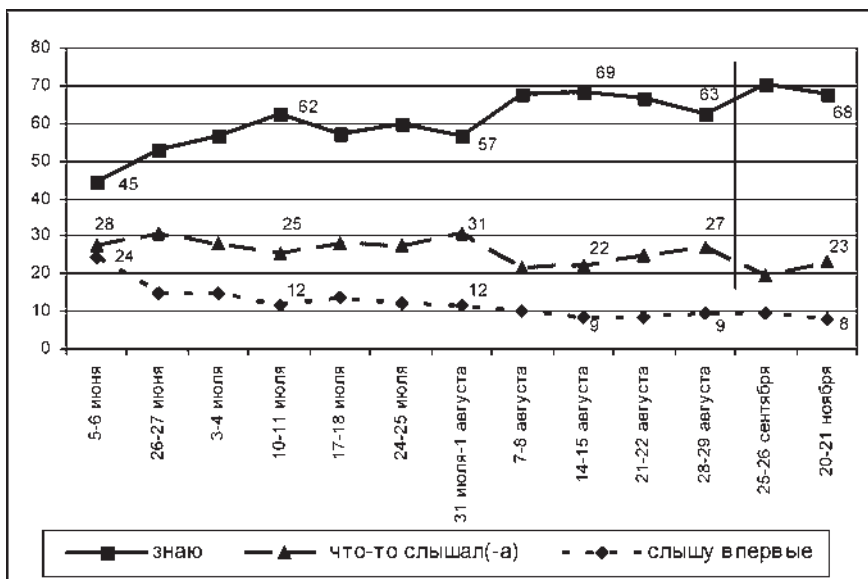

Рис. 1. Динамика информированности о планах правительства заменить некоторые социальные льготы денежными выплатами (в %)

щественно больше влияли на оценки россиян, нежели официальная информация, выступления политиков и чиновников [3]. Разумеется, среди самих льготников внимание к реформе было более мобилизованным и более устойчивым, чем у населения в целом: в течение лета доля информированных устойчиво держалась на уровне 93-95% от числа опрашиваемых льготников, а доля эмоционально включенных в проблему варьировалась в пределах 85-90%.⁹

Первая декада июля сделала явной еще одну тенденцию: обозначились *структурные изменения* внутри категории негативно оценивающих планы правительства [24]. С одной стороны, продолжала происходить мобилизация внимания к теме социальных льгот среди *низкоресурсных* групп населения (люди социально неадаптированные, с низкими заработками, пожилые, с неполным средним образованием). С другой стороны, заметно чаще других о своем отрицательном отношении к реформе стали заявлять представители *высокоресурсных* групп (среди них льготников очень немного) — люди вполне адаптированные к сегодняшней жизни, с высокими заработками, имеющие высшее образование, и — самое главное — в активном и трудоспособном возрасте

⁹ Динамику за 2004 год см.: [21].

(36–54 года).¹⁰ Данные показали, что россияне стали активнее обсуждать проблему и чаще склонялись к негативным оценкам нововведений, тогда как внимание и доверие к публичным выступлениям чиновников оставались на прежнем уровне. Даже среди молодых людей (18–35 лет), традиционно более дистанцированных от социальных и политических коллизий, доля негативных оценок за неделю (с 3 по 10 июля) выросла с 32% до 38%, а доля затруднившихся определить свое отношение к реформе снизилась с 39% до 28%¹¹. Это означало, что инициаторы реформы стали быстро «сдавать позиции» как раз в тех социальных группах, которые, по идее, должны были бы поддерживать разумную с экономической точки зрения новацию или же быть толерантными к ней. Осуществлять экономическую стратегию любого рода чрезвычайно сложно без поддержки в соответствующих социальных группах: либеральную — в высокоресурсных, дирижистско-эгатистскую — в низкоресурсных. Если высокоресурсные группы не поддержали либеральное по своим исходным намерениям начинание, не восприняли его как экономически и социально оправданное, то это говорит об изначальном дефиците «символического капитала» у данной реформы.

Третий эпизод в «истории социализации» реформы, о котором следует сказать особо, связан с периодом ее законодательного оформления. С первых дней июля в работе основных российских телеканалов обнаружилась заметная тематическая константа: в телевизионной «повестке дня» рассказы о полезности реформы стали регулярной практикой. Аудитория таких передач и телесюжетов была довольно существенной: например, в первом из августовских опросов (7–8 августа) 54% россиян ответили, что им приходилось видеть по телевизору какие-либо сюжеты о замене льгот денежными выплатами, и 39% сказали, что им встречались разъяснения официальных лиц о порядке проведения реформы¹². Правда, воздействие этого объяснительно-новостного потока было крайне неоднозначным. Разъяснения чиновников и политиков называли непонятными 20% респондентов, понятными — 18%; телевизионные сюжеты вызывали несогласие примерно у 23% россиян, а 18% были склонны соглашаться с ними.¹³ Тем не ме-

¹⁰ Так, доля противников реформы выросла среди респондентов с высшим (с 50% до 58%) и со средним специальным образованием (с 44% до 51%), среди лиц с доходом более 2000 рублей (с 42% до 49%), среди оптимистов (с 32% до 43%), а также среди тех, кому от 35 до 55 лет (с 39% до 48%), — несмотря на то, что к числу льготников в этой возрастной категории принадлежит только каждый пятый.

¹¹ См. приложения (развернутые таблицы по социально-демографическим группам) к выпуску [15].

¹² Опрос 7–8 августа 2004 г. [22].

¹³ О том, что вызывало согласие, а что заставляло не соглашаться — см. данные открытых вопросов [22].

нее, агитация в поддержку реформы дала вполне ощутимые результаты: в первой декаде августа доли положительно и отрицательно относящихся к замене социальных льгот сравнялись: 39% против 39%. Среди льготников также наметилась конверсивная динамика, хотя доля негативно воспринимающих реформу все равно оставалась преобладающей (см. рис. 2, 3).

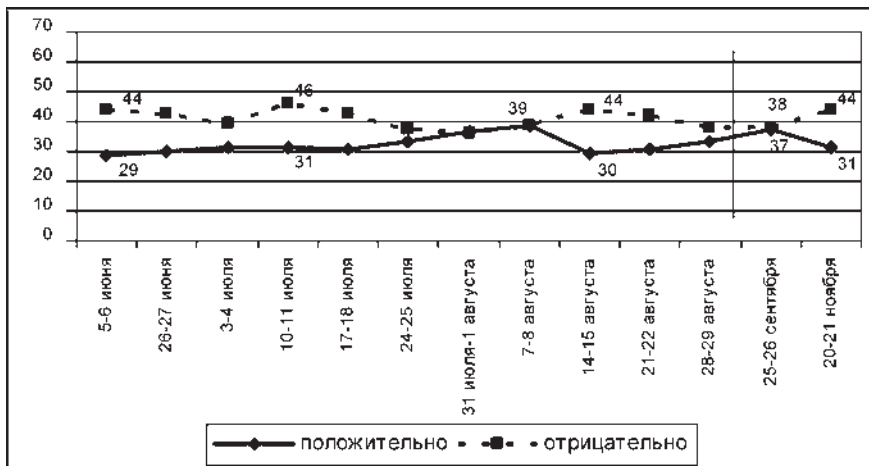

Рис. 2. Отношение всех респондентов к замене некоторых социальных льгот денежными выплатами (июль-ноябрь 2004 г.)

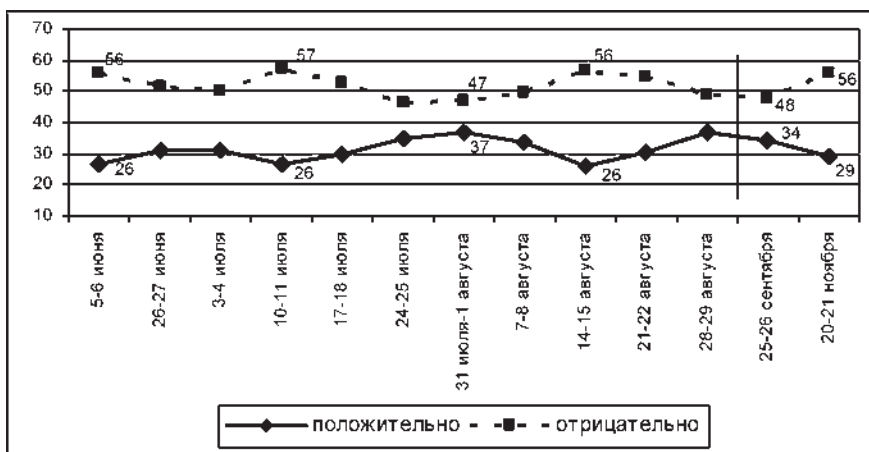

Рис. 3. Отношение льготников к замене некоторых социальных льгот денежными выплатами — положительно или отрицательно? (июль-ноябрь 2004 г.)

Таблица 1. Отношение к замене льгот в зависимости от просмотра телесюжетов о льготах (в %)

	Опросы							
	24-25 июля				7-8 августа			
	Все	Среди телесюжетов о льготах...			Все	Среди телесюжетов о льготах...		
		телесюжеты о льготах видеть не приходилось	больше тех, с которыми согласен(-а), которым доверяю	больше тех, с которыми не согласен(-а), которым не доверяю		телесюжеты о льготах видеть не приходилось	больше тех, с которыми согласен(-а), которым доверяю	больше тех, с которыми не согласен(-а), которым не доверяю
Доли групп (%)	100	41	19	25	100	46	18	22
<i>Вопрос: «Как Вы лично относитесь к планам заменить некоторые социальные льготы денежными выплатами — положительно или отрицательно?»</i>								
Положительно	33	31	61	<u>18</u>	39	38	71	<u>12</u>
Отрицательно	38	<u>31</u>	<u>24</u>	67	39	<u>32</u>	<u>18</u>	73
Затр. ответить	29	38	<u>15</u>	<u>15</u>	22	30	<u>11</u>	<u>15</u>

С большей интенсивностью процесс конверсии мнений происходил в высокоресурсных группах — среди людей социально адаптированных, со сравнительно высокими доходами, имеющих среднее специальное или высшее образование. Среди тех, кого принято относить к низкоресурсным категориям (это, в том числе, сами льготники), конверсия мнений оказалась менее выраженной, она происходила заметно труднее — через период определенного рода растерянности, о чем свидетельствует некоторый рост доли затруднившихся с ответом.

Анализ и сопоставление нескольких опросов позволяют заключить, что ни обыденные разговоры, ни факт окончательного принятия закона Государственной думой (5 августа), ни разъяснения официальных лиц не оказали существенного влияния на динамику мнений россиян по обсуждаемой проблеме. На отношение людей к реформе льгот повлиял телевизор¹⁴ (табл. 1).

Данные показали, что среди тех, кто видел какие-то сюжеты о льготах, и воспринял их с согласием и доверием, значительно выросла доля положительно относящихся к реформе (с 61% до 71%) и сократилась доля настроенных отрицательно (с 24% до 18%). Кроме того, среди утверждавших, что им не приходилось видеть телесюжетов о льготах, неожиданно сократилась доля затрудняющихся определить свое отношение к

¹⁴ Подробный анализ факторов, повлиявших на оценки людей, см.: [25].

реформе (с 38% до 30%) и одновременно выросла численность поддерживающих ее (с 31% до 38%). По всей видимости, какие-то сюжеты эти люди все-таки видели, но в их восприятии они не были увязаны с проблемой льгот, что неудивительно — многие телевизионные сообщения строились на приемах «косвенной агитации»¹⁵.

Итак, начало августа вроде бы обозначило конверсивную динамику мнений и оценок россиян в отношении реформы социальных льгот, однако она неожиданно прервалась: опрос, проведенный 14-15 августа, показал прежнее соотношение положительно и отрицательно оценивающих реформу — 30% против 44%. Наиболее заметные изменения произошли в низкоресурсных группах — среди людей с неполным средним образованием, пожилых, с доходами до 1000 или от 1000 до 2000 рублей, а также среди жителей больших городов (с населением до 1 млн жителей). В этих группах резко сократилась доля положительно оценивающих реформу и одновременно выросло число затруднившихся определить свое отношение к ней или же заявивших о ее неприятии. Такая динамика объясняется прежде всего «отложенным осознанием» того, что закон принят, и, следовательно, реформа становится реальной. С другой стороны, после третьего чтения закона в Госдуме информационно-агитационное сопровождение реформы было свернуто, что «высвободило» прежние опасения тех, кого она должна была затронуть в первую очередь¹⁶. В дальнейшем ажиотаж вокруг замены льгот выплатами и интенсивность обсуждений темы постепенно снижались, что до определенной степени уменьшило общую наэлектризованность настроений.

Таблица 2. Отношение к замене льгот (в %)

	Опросы		
	14-15 августа	21-22 августа	28-29 августа
<i>Вопрос: «Скажите, пожалуйста, Вас лично вопрос о замене некоторых социальных льгот денежными выплатами интересует, волнует или особо не интересует, не волнует?»</i>			
Интересует, волнует	66	60	58
Не интересует, не волнует	30	34	37

События в Беслане и серия террористических актов, произошедших в стране в конце августа — начале сентября, стали не только ведущей темой сентябрьских новостных выпусков, комментариев экс-

¹⁵ Данное утверждение до некоторой степени произвольно, однако динамика наблюдается в группах, выделенных именно по признаку «видели/не видели по телевизору». В вопросах, фиксирующих иные источники поступления информации и мнений — разъяснения официальных лиц, обыденные разговоры и т. д., — динамики в подгруппах не наблюдалось.

¹⁶ См. приложения (развернутые таблицы по социально-демографическим группам) к [16].

пертов и политиков — они оказались в центре внимания подавляющего числа россиян [17]. В этой ситуации реформа системы социальных льгот — тема, волновавшая наших соотечественников на протяжении всего лета, — безусловно, отошла на второй план. Это касается не только телевизионных передач и газетных публикаций, но и опросов общественного мнения, в которых также превалировала трагическая тематика: представлялось неуместным беседовать с респондентами о социальных льготах в момент, когда всех переполняли переживания в связи с событиями в Северной Осетии.

Опросы, проведенные 25-26 сентября и 20-21 ноября [21; 18], показали, что проблема сохранила актуальность: информированность россиян осталась высокой, внимание — мобилизованным. Угасания интереса не произошло даже среди молодых респондентов, а среди низкоресурсных групп — людей в возрасте от 55 лет и с неполным средним образованием — росла численность тех, кто находил в замене льгот весомый повод для беспокойства. При том что принципиальных изменений в оценках реформы не происходило, данные показывали несколько тенденций: представители высокоресурсных групп демонстрировали склонность к положительным оценкам, а низкоресурсных — к отрицательным. Кроме того, существенно участились негативные

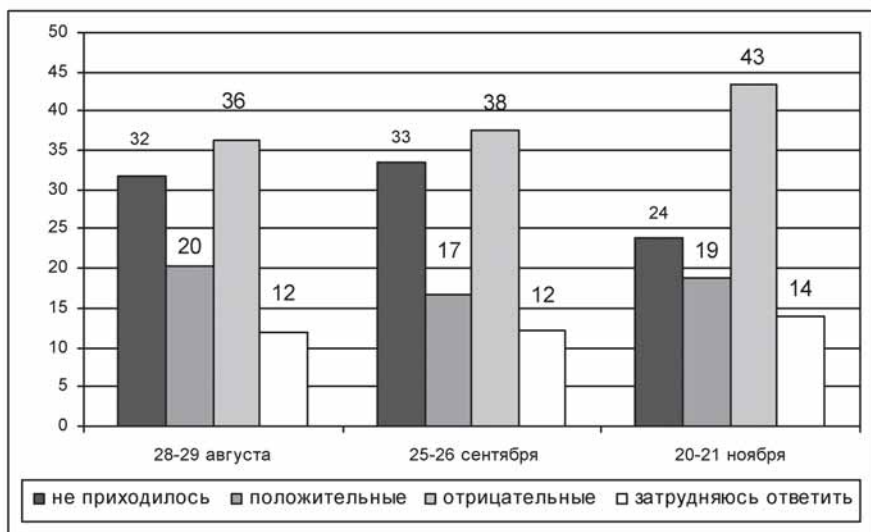

Рис. 4. Характер ответов респондентов на вопрос приходилось или не приходилось им слышать разговоры окружающих о замене социальных льгот денежными выплатами? И если приходилось, то какие мнения чаще высказываются — положительные или отрицательные?

высказывания о предстоящей реформе в городах-мегаполисах (с населением более 1 млн человек) — с 43% в сентябре до 64% в ноябре, а также в больших городах (с населением до 1 млн человек) — с 40% до 61%. Все эти тенденции формировались в условиях сильного сокращения публичных дискуссий на тему льгот, но одновременно устойчиво формировался негативный фон в ее обыденных обсуждениях.

Таким образом, уже в ноябре 2004 года начинался процесс «мобилизации ожиданий»: реформа социальных льгот вступала в следующую стадию, и ожидание каких-то конкретных мероприятий по ее реализации делало обсуждения данной темы все более частыми. Практически весь спектр вопросов, которые россияне хотели бы задать официальным лицам, с завидной регулярностью воспроизводился в дискуссиях на фокус-группах и в ответах на открытые вопросы в течение всего лета и осени.¹⁷ В ноябре опасения и общее непонимание того, что происходит, усилились:

«Правительство наше непредсказуемо: оно все что угодно может выкинуть. Будут уменьшать и уменьшать <выплаты> постоянно» (ДФГ, Москва).

«Если будут опять расти цены, то это будет не в лучшую сторону населению. Льготы могут потеряться, если цена будет расти. Что-то ведь должно делаться, чтобы так не было? Но я-то не понимаю, если аспирин будет стоить 500 рублей, мне его как-то дадут?» (ДФГ, Воронеж).

«У него <Фрадкова> слова русские, слова отдельные понятны — а общий смысл очень далек: процесс пошел, на местах все лучше, там договоримся — ну ничего конкретного, ничего» (ДФГ, Москва).

«Вот эти недоговоренности постоянные с его <Зурабова> стороны: он то одно обещает, то другое — нигде не выполняется... Одно дело — декларировать, другое — практически выполнить. Две большие разницы. То есть, декларировано одно — это не выполняется, и не будет выполняться — сто процентов» (ДФГ, Самара).

«Они уже сейчас должны быть готовы... А они говорят: да что, еще только в январе все будет рассчитано, все будет подсчитано, все будет сделано» (ДФГ, Самара).

¹⁷ О вопросах россиян к официальным лицам см.: [14].

СОЦИАЛЬНЫЕ НАСТРОЕНИЯ И ПРОТЕСТНАЯ АКТИВНОСТЬ

Начало 2005 года, когда реформа системы социальных льгот вступила в этап реализации и начала непосредственно затрагивать льготников и членов их семей, было отмечено массовыми акциями протеста.¹⁸ Закономерен вопрос — почему они не были массовыми в 2004 году, когда реформа еще не стала «объективной данностью» и ситуация в принципе поддавалась изменениям? Как обстояли дела в этой проблемной сфере? Почему акции протеста были, но протестного движения не сформировалось? Не потому ли, что они устраивались некими политическими силами-игроками, а для появления массовых протестов не было никаких оснований? По большому счету, эти вопросы затрагивают очень важную проблему: как соотносятся *социальные настроения* и *коллективные действия*?

Исследования ФОМ показывали, что восприятие текущей ситуации в стране в тревожно-негативных тонах в 2004 г. было довольно распространенным. По сравнению с 2003 годом увеличилась доля тех, кто считал, что уходящий год был хуже, чем предшествующий, «для него лично» (с 19% до 28%) и «для России» (с 11% до 26%) [8]. В ходе исследования, посвященного изучению социальных настроений, 67% опрошенных отрицательно ответили на вопрос, ощущается ли стабильность в обществе,¹⁹ тогда как утвердительно — втрое меньше (22%). Одновременно с этим 80% россиян посчитали, что сегодня у людей в нашей стране преобладает «тревожное» настроение, и только 10% определили его как «спокойное».

Оценки людьми *своего собственного* настроения и самооощущения — в сравнении с представлениями о ситуации в России в целом — оказались менее негативными, однако все равно большинство респондентов говорили отнюдь не об умиротворенности: 57% россиян ответили, что в последнее время у них было тревожное настроение, и только 38% — что спокойное.

Основное различие между «тревожными» и «спокойными» респондентами — их социальная ресурсность. Первых больше среди представителей старшей и средней возрастных групп (69% и 62%), среди людей с невысоким доходом — до 1000 рублей на человека (65%), с неполным средним образованием (68%) и в целом среди не адаптировавшихся к сегодняшней жизни (72%). Вторых — среди молодежи (46%),

¹⁸ Критерии массовости акций протеста были сформулированы С. Климовой: акции должны проходить в нескольких городах или населенных пунктах; протест затрагивает интересы или права массовой категории граждан; в акциях протеста должны принимать участие сами представители этих категорий населения.

¹⁹ Опрос 9-10 октября 2004 г. [19].

лиц со сравнительно высокими доходами (43%) и в целом людей социально адаптированных и уверенных в своем благополучии в будущем (55%). Такие различия позволяют предположить, что тревоги людей вызываются неуверенностью в том, что им удастся поддерживать необходимый и желаемый уровень благополучия семьи и, кроме того, недовольством темпами улучшения своего положения. Так, среди «тревожных» почти 57% — а это 33% (!) в целом по выборке — либо не ожидают никаких перемен, либо предвидят ухудшение своей жизненной ситуации, тогда как среди «спокойных» половина (или 18% от всех опрошенных) надеются на продолжение позитивной динамики.²⁰

Помимо переживаний и надежд, связанных с оценками личного благополучия, социальные настроения безусловно коррелируют с «метатеориями» людей, с их представлениями о проблемах и тенденциях в развитии страны и общества в целом. В октябре 2004 года 39% россиян посчитали, что страна развивается «в неправильном» направлении, противоположной точки зрения придерживались 31% опрошенных. Примерно пятая часть опрошенных (21%) ожидали перемен к худшему в жизни страны, 32% — к лучшему и еще 30% в принципе не увидели никаких изменений.

Уверенность в том, что наша страна движется в правильном/неправильном направлении, оказывается важной дифференцирующей характеристикой, в которой интегральным, обобщенным образом отражается субъективное восприятие людьми «вектора общественного развития» — вне зависимости от того, что именно подразумевалось под «правильным» и «неправильным». Ожидание изменений в стране — это дополнительный параметр настроений, в котором суммируются не только представления людей о степени опасности/безопасности предполагаемых перемен, но и субъективная готовность справляться с трудностями или же осваивать открывающиеся возможности. Расчеты показали, что среди всех опрошенных 28% — это «негативисты»: они уверены в том, что «страна идет не туда», и не ждут, что она «одумается». Практически все они говорят о нестабильной ситуации в обществе (94%) и о тревожном настроении россиян (92%). Состояние их «жизненного мира» оказывается соответствующим: они не строят планов ни на отдаленное, ни на ближайшее будущее (57%), в своей жизни либо не ожидают значимых изменений (49%), либо определенно предполагают перемены к худшему (23%).²¹

²⁰ Опрос 9–10 октября 2004 г. [19].

²¹ Для содержательной симметрии следует сказать и о тех, чьи настроения оказываются прямо противоположными. «Прогрессисты» (их 24%) считают, что страна в целом развивается в правильном направлении, и рассчитывают на определенное улучшение дел или хотя

Таким образом, данные показывают, что от четверти до трети россиян были склонны проявлять повышенную тревожность, причем их беспокойство носило системный характер: они не чувствуют стабильности на уровне своего «жизненного мира» и проявляют пессимизм и беспокойство относительно будущего, так как не способны его контролировать или им управлять (не строят планов). Одновременно их понимание макроконтекста своей «частной» ситуации окрашивалось отнюдь не в радужные тона — они ощущали нестабильность ситуации в обществе и, кроме того, полагали, что страна развивается в неправильном направлении. Сопоставляя с другими материалами исследований, можно утверждать, что в 2004 году произошло заметное усиление тревожно-негативных настроений. Однако это не находило своего продолжения в практике протестной активности.

Протестная активность в нынешней России имеет несколько особенностей. *Во-первых*, начало нового столетия и первый президентский срок В. Путина ознаменовались существенным сокращением протестной деятельности²². Если в 90-х годах уровень реальной вовлеченности в протестные акции составлял примерно 6-8%, то теперь он не превышал 3% [20]. Нисходящую динамику отмечали и сами россияне: в апреле 2004 года 37% респондентов сказали, что сегодня акций протеста стало меньше, чем 10 лет назад, и еще 26% утверждали, что они вообще не проходят [12].

Во-вторых, протестная активность как форма социального действия оказалась устойчиво легитимизированной в общественном сознании: протестовать допустимо и «нормально», участие в митингах, демонстрациях и пикетах не является поведенческим отклонением. Такие настроения связаны в первую очередь с тем, что появились «предметные» акции протеста, привязанные к определенным проблемным ситуациям: принятие нового трудового кодекса, реформа ЖКХ, проблемы с отоплением или же неожиданно возникшая проблема «полной оплаты коммунальных услуг». Отношение к подобным акциям в значительной степени определялось отношением к их организаторам и одновременно — «понятностью» требований и задач, которые формулировали участники выступлений. Так, например, акцию бюджетников в марте 2003 года, проведенную в связи с новой концепцией оп-

бы на сохранение общей динамики. Эта группа в своих оценках не столь однородна как «негативисты». Большинство из них также отмечают тревожную атмосферу в обществе (70%), меньшая часть сами испытывают тревогу (42%) и ощущают нестабильность в стране (32%). Однако подавляющее число из них строят планы: 36% — и на ближайшее, и на отдаленное будущее, 39% — только на ближайшее, а также ожидают перемен к лучшему в собственной жизни (60%) [19].

²² См., например: [28; 7].

латы труда, восприняли с одобрением 81% опрошенных [1]. Аксию врачей и учителей в октябре 2004 года (в связи с падением уровня жизни) одобрили 52% [20]. А вот акция протеста, организованная профсоюзами в июне 2004 г., вызвала одобрение у 28%, и ее оценки напрямую зависели от представлений респондентов о профсоюзах — как структурах, защищающих либо не защищающих интересы людей [23].

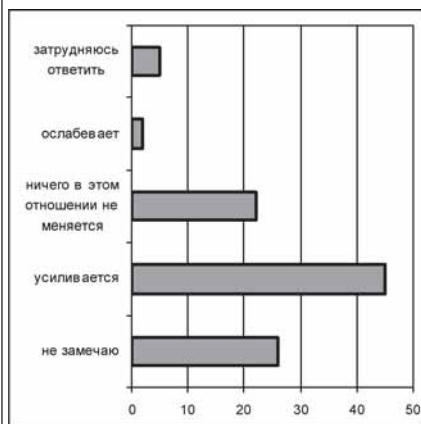
Одновременно с этим у россиян сформировалось устойчиво скептическое отношение к протестной активности: действия этого рода воспринимались по большей части как неэффективные, не приносящие результатов. Даже в отношении октябрьской акции бюджетников, к которой россияне в целом отнеслись с поддержкой и пониманием, критический настрой преобладал. На вопрос «*Как Вы думаете, акции протеста помогут или не помогут решить проблемы бюджетников?*» — утвердительно ответили 24% опрошенных, отрицательно — 39% [20].

В-третьих, протестная активность, интерес к ней и ее легитимизированность в сознании россиян не стали стимулом для мобилизации новых участников (феномен «пассивной солидарности» [5]). Это позволило говорить, с одной стороны, что протестное движение не является «массовым», а, следовательно, отражающим установки, настроения или интересы «большинства» россиян. С другой стороны, появился концепт «пассивного» или «фонового» недовольства, находящего свое выражение как в неучастии в переписи — в деле, «нужном государству», так и в протестном голосовании на многочисленных выборах [23].

Вместе с тем, оба соображения оказываются содержательно непродуктивными. Даже будучи малочисленными и эпизодическими, акции протеста, как уже говорилось, сохраняют у людей представления о легитимности, приемлемости и оправданности такого способа действия. В то же время концепт «фонового недовольства» не объясняет природы и механизмов развития протестных настроений. Так, например, опросы в июне и в октябре 2004 г., проведенные в связи с проходившими акциями протеста, показали, что при всей обеспокоенности людей реформой системы социальных льгот, это не вызвало у них ощущения необходимости заявить свою позицию в публичном или коллективном действии. Мобилизованное внимание, ожидание протеста, несогласие с планами властей не породили коллективного действия как практики.

И четвертое. Протестная активность перестала восприниматься как направленная целиком или главным образом в адрес федеральной власти, хотя все-таки «первенство» в 2004 году и принадлежало именно ей (благодаря авторству непопулярной среди значительной части населения идеи замены льгот денежными выплатами) [20].

«Вы замечаете или не замечаете вокруг себя недовольство людей властями? И если замечаете, то в последнее время это недовольство усиливается, ослабевает или ничего в этом отношении не меняется?»

«По Вашим впечатлениям, это недовольство направлено прежде всего против федеральных властей или против руководства вашей области (края, республики)?» (Ответы заявивших, что они замечают недовольство людей властями.)

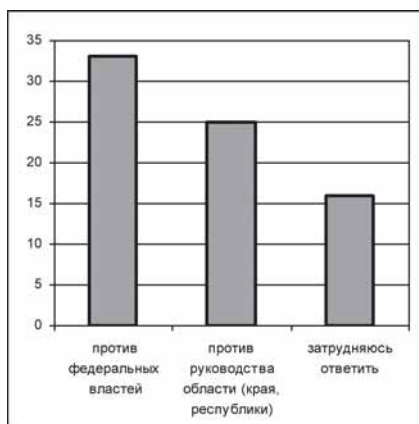

Рис. 5. Характер и адресаты социального недовольства (в %)

Таким образом, материалы опросов показывают: в определенных категориях населения на протяжении 2004 года формировалась объемная неудовлетворенность текущим положением дел. В низкоресурсных группах усиливались не только опасения относительно своего благополучия в масштабах «личной жизненной ситуации», но также ощущения «социетальной» кризисности; происходило «опрокидывание» макропроблем (страны и общества) на проблемы локальные и частные, связанные с актуальной повседневностью людей и с их ожиданиями на ближайшее будущее. Одновременно у подавляющего большинства россиян складывалось ощущение нарастающей тревожности в обществе — вне зависимости от оценок собственной жизни и собственных проблем. Случавшиеся акции протеста хоть и вызывали одобрение, но воспринимались как неспособные решить проблемы, в связи с которыми они устраивались. Можно сказать, что они мобилизовывали ожидания чего-то нехорошего, взрывоопасного, однако к распространению установок на личное участие они не привели. Однако январь 2005 года одновременно и подвел итоги (ожидания начали сбываться) и начал

новую событийную цепочку (произошла мобилизация, акции протеста стали реальностью и стали оформляться новые ожидания: что дальше?). Попробуем предложить некоторое объяснение — не столько тому, что случилось, сколько тому, что предвляло случившееся.

ПРОТЕСТ РАДИ СТАБИЛЬНОСТИ

В одном из проведенных ФОМ исследований, посвященных изучению «ценностных синдромов» — сочетаемости ценностных выборов (в 2001 году), авторам удалось выделить несколько типологических групп, значимо различающихся между собой конфигурацией «ядерных» и «периферийных» ценностных предпочтений [27, с.74]. Один из ценностных комплексов образовался сочетанием доминант: «мир», «семья», «достаток» и «стабильность». То есть это компоненты, наиболее непосредственным образом связанные с «жизненным миром» человека и с тем, что обеспечивает его безопасность и устойчивость.²³ В определенной мере (в какой — предстоит еще выяснить) данный ценностный комплекс более актуален, более драгоценен для низкоресурсных групп: это то, что, с одной стороны, служит источником уверенности в сегодняшней жизни, с другой стороны — источником беспокойства, страха перед будущим.

Мы видели, говоря о социальных настроениях, что именно представители низкоресурсных групп на протяжении всего 2004 года демонстрировали склонность воспринимать происходящее со все большим пессимизмом и тревогой (напомним, что 94% «негативистов», людей, считающих, что страна движется от плохого к худшему, называют сегодняшнюю ситуацию нестабильной). Однако их недовольство и тревожность двойственны. С одной стороны, они, безусловно, тревожатся за свое благополучие и достаток, опасаются непредсказуемого и травматичного будущего. Одновременно основания для перемен к лучшему они видят в первую очередь именно в стабильности, тогда как динамика их пугает, кажется неуправляемой и вредоносной — за ощущаемым недостатком социальных ресурсов (не экономических, а именно социальных, определяющихся образованием, специальностью, квалификацией, а также, безусловно, местом жительства и возрастом).

По тем же причинам подавляющее большинство из них не протестовало в связи с первыми шагами реформы системы социальных льгот, хотя эти люди со вниманием и с одобрением воспринимали акции про-

²³ Социологи, занимающиеся изучением процессов социальной идентификации в кризисное время, отмечали компенсаторное усиление примордиальных идентичностей (с семьей, друзьями, соседями, т. е. с близким кругом) как «личный ответ» на ситуацию неопределенности и социальной нестабильности. См.: [32; 9].

теста — это корреспондировало с их настроением и переживаниями, а также с негативно окрашенными «обыденными теориями» об особенностях течения дел в стране. Похоже, что готовность низкоресурсных групп действительно возмущаться и протестовать ограничивается ценностью стабильности, с одной стороны, и недостатком социальных ресурсов — с другой.

Для любой социальной активности, а тем более для коллективного действия, необходима *уверенность в ресурсах* для того или иного предприятия. Это отчасти объясняет факт, зафиксированный в одном из опросов ФОМ: примерно 35% респондентов приходилось организовывать или вести какие-либо совместные с другими людьми действия (работа, творчество, досуг, общественные мероприятия — в том числе, хоть это и называлось редко, протестные акции, и т. д.). В подавляющем числе это представители ресурсных групп — люди более адаптированные к современной жизни, со сравнительно большими доходами, специалисты или квалифицированные работники.²⁴ Более ресурсные люди склонны к более рациональному действию — они также могут быть движимы тревогой или возмущением, но при этом они способны к образованию субъектности, формированию коллективного действия в той или иной форме²⁵.

В низкоресурсных группах потенциал солидарности и, соответственно, возможность коллективного действия существенно ниже [26]. Их протест, если уж доходит до этого дело, — это протест эмоциональный, аффективный, запускаемый *не еще большим* ухудшением ситуации, а посягательством на сдерживающие ценности, когда — в их представлении — *уже нет смысла и возможности* за них держаться и на них надеяться²⁶. Когда *надежды* на стабильность сталкиваются с ее *отсутствием де-факто*, точнее, «с умысленным и полным ее разрушением» (в терминах субъективной реальности), тогда и отсутствие ресурсов перестает быть сдерживающим фактором.

Таким образом, потребность в объединении с другими людьми тесно связана с осознанием себя в качестве актора — «человека действующего», а с другой стороны — со стремлением человека осваивать все большее жизненное пространство, окружающий мир, все более сложные системы взаимоотношений. То есть готовность к совместным действиям оказывается функцией от целого ряда обстоятельств. Одними

²⁴ Общероссийский опрос населения 11-12 января 2003 г. [31].

²⁵ О важности параметров ресурсности и идентичности см. [29].

²⁶ «*Правительство само завертело этот штопор, — высказался участник фокус-группы в Воронеже. — Это как приватизация, только хуже. От этого всем хуже, это затронуло всех, но кто нагреет руки на этом, непонятно. Кажется, что никто. Просто сделали так, чтобы всем стало хуже — и себе, и людям.*»

из основных здесь оказываются такие параметры, как готовность соотносить и более того — идентифицировать себя с некоторой общностью, а также обладание определенными социальными ресурсами, которые позволяют человеку разглядеть перспективность и понять возможность и необходимость именно совместной деятельности применительно к тому или иному случаю, к той или иной задаче.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Любой социальный проект, любые общественные преобразования сопровождаются более или менее значительным изменением «картины мира» и «обыденных теорий», существующих в сознании людей. Обыденные теории и происходящие в них изменения могут сами по себе служить источником сложностей и утяжелять проблемные ситуации, с которыми обществу приходится справляться, а могут стать основанием для поиска и определения наиболее приемлемых способов действия. Социальные проблемы, таким образом, предстают не только в качестве объективно данных ситуаций, относительно которых можно различать «экспертные», а значит, более сильные, и «профанные», более слабые оценки, мнения и позиции. Это также и пространство дискурсов, пространство соперничающих друг с другом описаний текущего положения дел, требований относительно изменений, а также мотивационных готовностей к тому или иному роду действия. «Сила» и «слабость» позиций здесь измеряются далеко не только уровнем знаний и компетентности.

Исследования, посвященные отношению россиян к теме социальных льгот, позволяют описать наиболее значимые компоненты обыденных представлений, а также показать, как они развиваются и какое влияние оказывают на ход реформы. Задолго до ее начала опросы показывали важность символического аспекта проблемы. *Во-первых*, это тесная связь с представлениями о справедливости, о достатке и «достойном материальном положении», о социальной дифференциации. *Во-вторых*, это нагруженность ценностными представлениями: льготники — не просто «социально неблагополучные» категории населения, которым из соображений милосердия оказывается помощь, а еще и компонент общей социальной идентичности людей (особенно это касается ветеранов войны и труда, героев СССР и России, чернобыльцев и т. п.). *В-третьих*, самостоятельным источником смыслов и ценностных значений является тема льгот и привилегий для чиновников. Здесь действует универсальный механизм построения обыденных теорий — через идентификацию «мы» — «они». *И четвертое*. Социальные льготы — это не просто экономический инструмент, финансовые потоки и транзакционные из-

держки. Это то, что связывает жизнь каждого человека с государством и системой взаимных обязательств, ставшей для значительной части людей не просто «контрактом», а «естественным компонентом» социальной жизни — наряду со службой в армии, подоходным налогом и временно — с бесплатным образованием, медициной и социальными гарантиями. (Можно предположить, что в связи с заменой льгот деньгами будут изменяться представления о том, что такое социальные льготы, будут меняться как их социальный статус, так и процессы наделения субъективными значениями).

В связи с последним обстоятельством неудивительно, что тема ответственности власти становится в данном контексте одной из основных. При этом «ответственность» оказывается многосоставным концептом: здесь и гарантия благосостояния льготников, техническая ответственность за реализацию реформы на «микроуровне», контроль за ее макроконтекстом (инфляция, цены), ответственность за негативные последствия в целом и, безусловно, ожидание гарантий соблюдения заявленных принципов социальной политики. По всей видимости, дальнейшее развитие реформы как *социальной проблемы* — ситуации, требующей уже не только дискуссий, но и действий, будет связано с развитием, в том числе, и всех упомянутых символических и тематических составляющих.

От того, как люди воспринимают окружающий социальный мир и какой они видят свою роль в нем, зависит не просто «общественный климат», но в первую очередь этим определяется характер деятельности людей. В ситуации аномии социальное недовольство порой приводит к бунту, революциям или иным формам протестного действия. Однако гораздо чаще приходится наблюдать уход от проблем и отказ от активности, и вместе с этим — разрушение «социальной ткани», коммуникативной и ценностной связности общества. Опасность такой ситуации состоит не столько в возможности стихийного «социального взрыва», сколько в усиливающейся неспособности общества мобилизовываться перед лицом возникающих трудностей и приводить требуемые преобразования к задуманному результату. Эта неспособность может выражаться не только в неумении власти объяснять свои намерения и предлагать способы достижения целей. Кроме этого существует неспособность общества за ангажированностью социальными проблемами оценивать нужность тех или иных преобразований, требовать их осуществления от самых разных структур власти, а также участвовать в определении способов осуществления новаций в иных формах, нежели спонтанный протест.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акции протеста бюджетников // Доминанты. Поле мнений. 2003, № 10. (http://bd.fom.ru/map/projects/dominant/dominant2003/734_345/1523_369).
2. Аналитический доклад «Экономика льгот». Аудиторско-консалтинговая компания ФБК. М., 2003. (<http://www.fbk.ru/upload/contents/321/economic.pdf>).
3. Бавин П. Реформирование системы социальных льгот: мнение формируется на кухне // Доминанты. Поле мнений. 2004. № 27 (http://bd.fom.ru/report/map/projects/dominant/dom0427/domt0427/domt0427_1/d042723).
4. Галлицкий Е., Климова С. Новый подход к изучению ценностей // Десять лет социологических наблюдений. Фонд «Общественное мнение», 2003.
5. Гвоздева Е. Акция протеста бюджетников: митинговать не эффективно, но нужно... // Доминанты. Поле мнений. 2003. №10 (<http://bd.fom.ru/report/map/d031032>).
6. Гвоздева Е. Пенсионная реформа — «А доверять деньги государству по-прежнему не хочется...» // Доминанты. Поле мнений. 2003. № 41. (<http://bd.fom.ru/map/projects/dominant/dominant2003/dom0341/domp0341>).
7. Гвоздева Е. Протестные настроения российских граждан // Доминанты. Поле мнений. 2002. №19. (http://bd.fom.ru/report/map/projects/dominant/dominant2002/418_2109/1040_2127/3410_2139/d021929).
8. Год уходящий — год наступающий: итоги и ожидания // Доминанты. Поле мнений. 2004. № 50 (<http://bd.fom.ru/map/projects/dominant/dominant2004/dom0450/domt0450>).
9. Данилова Е., Ядов В. Контуры социально-групповых идентификаций личности в современном российском обществе // Социальная идентификация личности / Под ред. В.А. Ядова. М.: Институт социологии РАН, 1993.
10. Доминанты. Поле мнений. 2000. № 16. (http://bd.fom.ru/map/projects/dominant/dominant2000/26_5810/61_5835/151_5848)
11. Доминанты. Поле мнений. 2000. № 24. (http://bd.fom.ru/map/projects/dominant/dominant2000/75_5417/140_5449).
12. Доминанты. Поле мнений. 2004. № 17 (<http://bd.fom.ru/map/projects/dominant/dominant2004/dom0417/domt0417>).
13. Доминанты. Поле мнений. 2004. № 23 (<http://bd.fom.ru/map/projects/dominant/dominant2004/dom0423/domt0423>).
14. Доминанты. Поле мнений. 2004. № 27 (<http://bd.fom.ru/map/projects/dominant/dominant2004/dom0427/domt0427>)
15. Доминанты. Поле мнений. 2004. № 28 (<http://bd.fom.ru/map/projects/dominant/dominant2004/dom0428>).
16. Доминанты. Поле мнений. 2004. № 33 (<http://bd.fom.ru/map/projects/dominant/dominant2004/dom0433>).
17. Доминанты. Поле мнений. 2004. № 37 (<http://bd.fom.ru/map/projects/dominant//dominant2004/dom0437>).
18. Доминанты. Поле мнений. 2004. № 39 (<http://bd.fom.ru/map/projects/dominant/dominant2004/dom0439>).

19. Доминанты. Поле мнений. 2004. № 41 (<http://bd.fom.ru/map/projects/dominant/dominant2004/dom0441>).
20. Доминанты. Поле мнений. 2004. № 44 (<http://bd.fom.ru/map/projects/dominant/dominant2004/dom0444>).
21. Доминанты. Поле мнений. 2004. № 47 (<http://bd.fom.ru/map/projects/dominant/dominant2004/dom0447>).
22. Доминанты. Поле мнений. 2004. № 32 (<http://bd.fom.ru/map/projects/dominant/dominant2004/dom0432>).
23. *Климов И.* 2004 год: протестные настроения российских граждан // Доминанты. Поле мнений. 2004. № 25 (http://bd.fom.ru/map/projects/dominant/dominant2004/dom0425/domt0425/domt0425_4).
24. *Климов И.* Реформа системы социальных льгот: динамика мнений // Доминанты. Поле мнений. 2004. № 28 (http://bd.fom.ru/report/map/projects/dominant/dom0428/domt0428/domt0428_1/d042822).
25. *Климов И.* Реформа системы социальных льгот: динамика мнений после принятия закона // Доминанты. Поле мнений. 2004. № 32 (<http://bd.fom.ru/map/projects/dominant/dominant2004/dom0432>).
26. *Климов И.А., Шубкин В.Н.* Социальная разобщенность как феномен массового сознания // Россия реформирующаяся / под ред. Л.М. Дробижевой. М.: ИС РАН, 2004.
27. *Климова С.* Деньги вместо льгот: равноценна ли замена? // Доминанты. Поле мнений. 2004. № 23. (<http://bd.fom.ru/map/projects/dominant/dominant2004/dom0423/domt0423>).
28. *Климова С.* Протестная активность россиян: динамика и потенциал // Доминанты. Поле мнений. 2004. № 15. (http://bd.fom.ru/report/map/projects/dominant/dom0415/domt0415/domt0415_3/d041530).
29. *Климова С.* Репертуар солидарных действий рабочих в ситуации трудового конфликта // Солидаризация в рабочей среде / Под ред. В.А. Ядова. М., Институт социологии РАН, 1998.
30. Новая пенсионная система // Доминанты. Поле мнений. 2003. № 40 (<http://bd.fom.ru/map/projects/dominant/dominant2003/dom0340/domt0340>).
31. Сплоченность и разобщенность // Доминанты. Поле мнений. 2003. № 1-2 (http://bd.fom.ru/map/projects/dominant/dominant2003/662_959).
32. *Ядов В.* Социальные идентификации личности в условиях быстрых социальных перемен // Социальная идентификация личности — 2. Кн. 2 / Под ред. В.А. Ядова. М.: Институт социологии РАН, 1994.
33. *Ясавеев И.Г.* Социология социальных проблем // Социология: Учеб. пособие / Под ред. С.А. Ерофеева, Л.Р. Низамовой. Казань, 2001.